

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544

Научная статья / Research article

«Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте»

И.Б. Филиппов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*
 ibfilippov@gmail.com

Аннотация. Исследуется влияние юридических негативных санкций по отношению к участникам протестного движения в Москве в 2019 г. на протестную коммуникацию в социальной сети «ВКонтакте». В ходе исследования корпуса упоминаний протестов и негативных санкций в социальных сетях был оценен масштаб обсуждения судебного преследования в сравнении с обсуждениями самих протестов и очерчены основные факторы, влиявшие на магнитуду коммуникации вокруг различных эпизодов негативных санкций. Оказалось, что освещение уголовного преследования активистов вызывает существенно меньший интерес авторов и читателей, чем обсуждение самих митингов. Всплеска комментаторской активности не происходит, а сама публикационная активность оказывается сконцентрированной в крупных сообществах. Вклад в протестную коммуникацию для санкций против различных фигурантов не был одинаковым: наибольшее влияние оказывалось тогда, когда публичной кампании в защиту подсудимого удавалось вовлечь персон с высоким медиакапиталом либо большое число внешних по отношению к протестному движению людей. В случае, когда вокруг фигуранта было много информационных поводов, интересных только для других активистов, всплеск онлайн-коммуникации оказывался менее заметным. Таким образом, сами по себе юридические негативные санкции не становятся существенным информационным поводом автоматически, но создают потенциал для всплеска протестной коммуникации в случае, если информирование о преследовании дополняется традиционными формами политической мобилизации или вовлечением лидеров общественного мнения.

Ключевые слова: социальные медиа, политическое участие, состязательная политика, политический протест, политическая коммуникация

Для цитирования: *Филиппов И.Б.* «Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 530–544. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544>

© Филиппов И.Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90078 «Влияние применения негативных санкций в отношении протестующих на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных медиа».

The “Moscow Case” as a Factor of Protest Communication Activity in the Social Network “VK”

Илья В. Philippov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

 ibfilippov@gmail.com

Abstract. This paper addresses the impact of negative juridical sanctions implemented against the participants of the 2019 protest movement in Moscow on the communication in the social network “VK”. The empirical analysis of the mentions of protests and juridical prosecutions allowed to estimate the volume of discussions about the negative sanctions, to compare it with the discussions around the protest rallies and to outline the main factors affecting how active the discussion is on different episodes of negative sanctions. The results show that the coverage of the criminal persecution of activists provokes substantively less interest among the authors and the readers than the communication on the protest movement itself. Increased activity in comments is not observed, while the communication is concentrated in large communities. The input in the protest communication was not the same for sanctions against different activists: the impact was more notable when the media campaign in defense of the accused managed to involve persons with high media capital or a considerable number of people outside the protest movement. In the cases when the events around the accused were only relevant for other activists the surge in online communication turned out to be less noticeable. This implies that negative juridical sanctions are not a newsbreak themselves but have the potential to provoke an outburst in protest communication if the coverage is complemented by the traditional forms of political mobilization or includes opinion leaders.

Keywords: social media, political participation, contentious politics, political protest, political communication

For citation: Philippov, I.B. (2022). The “Moscow Case” as a Factor of protest communication activity in the social network “VK”. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 530–544. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90078 «The Impact of Negative Sanctions against Protesters on the Communication around Protest Movement on Social Media».

Введение: цифровое и классическое протестное участие

В последнее время исследователи состязательной политики все чаще обращаются к изучению цифрового аспекта протестных движений, так как оказывается, что по мере распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и расширения медиатизации политической сферы происходит

трансформация повседневности протестной активности [Wong, Wright 2019; Earl 2015]. С одной стороны, интернет оказывается инструментом, который расширяет коммуникативные и организационные возможности участников протестного движения [Farrell 2012], а с другой — является важнейшим пространством деятельности активистов [Архипова и др. 2018]. Зачастую в условиях недостатка социального капитала или высокой репрессивной активности государства деятельность протестного движения принимает форму цифрового [Christensen 2011; Halupka 2014] или гибридного активизма [Ним 2016]. Такие трансформации протестного репертуара даже вызывают определенные сомнения в перспективах сохранения состязательной политики в том классическом и (сравнительно) эффективном виде, в котором она существовала до начала цифровой трансформации политической сферы [Morozov 2009]. Пока что это опасение не находит строгого эмпирического подтверждения, и даже в ситуации стремительной медиатизации всех взаимодействий в условиях пандемии цифровое политическое участие не отменяет различные формы уличного активизма [Ismangil, Lee 2021; Gerbaudo 2020].

В действительности цифровое участие дополняет классические формы протестного репертуара, работая на формирование и расширение социальных последствий проходящих митингов. Социальные сети предоставляют протестующим возможность донести свою версию событий до широкой аудитории, но это не происходит автоматически. Сторонники протестов должны создавать и продвигать различный протестный контент, чтобы попасть на экраны к большому числу различных пользователей, в том числе неполитизированных, что требует либо попадания в повестку крупных сообществ, контролирующих основную часть медиапотребления в социальных сетях [Gonzalez-Bailon 2013], либо усилий активистов по принудительному вовлечению часто посещаемых площадок в политическую коммуникацию. Все это означает, что события состязательной политики в офлайне и онлайн находятся в сложных взаимозависимых отношениях. В этих отношениях влияние цифровой реальности на физическую происходит постоянно [Della Porta 2011], но физической реальности присуща ригидность, которая обеспечивает постепенный характер воздействия накопленных изменений в онлайн-сфере на уличную протестную активность. Напротив, сетевая коммуникация (во всяком случае, политическая) изначально находится в зависимости от физической реальности, поэтому быстро реагирует на события уличной политики. Влияние социальных сетей на уличную активность может быть более фундаментальным, так как это часть более широкого процесса медиатизации, но в краткосрочной перспективе доминирует влияние в направлении от офлайна к онлайн.

Правящий режим располагает различными стратегиями в ответ на успешное коллективное действие протестного движения, которое вылилось в уличные акции протеста. В случае, когда принимается решение о необходимости воздействия, методы воздействия являются в той или иной мере насильственными и ранжируются от физического воздействия со стороны полиции до судебных преследований и летального насилия [Tanneberg 2020]. Если силовой разгон протеста — это всегда

решение, принимаемое полицейской, муниципальной или политической администрацией [Earl 2006], то уголовное или административное преследование — нет, так как оно может возникать в результате действий самих протестующих и автоматической реакции на них правоохранительной системы [Barkan 2006].

Влияние судебного преследования участников протестов на протестную коммуникацию в социальных медиа

Характерная особенность подобных санкций — растянутость во времени. От момента возбуждения уголовного дела до приговора может пройти несколько месяцев, а сам приговор может быть обжалован, и в течение всего этого времени так или иначе возникает поток информационных поводов [Steinhoff 2016; Barkan 2006]. Все это гипотетически порождает для симпатизантов протестного движения возможность обогатить сетевую коммуникацию протестной повесткой спустя осязаемое время после того, как последний крупный протестный эпизод уже закончился и перестал обсуждаться. Если им удастся сделать тему юридического преследования участников митингов обсуждаемой, то для общественного мнения это может быть равнозначно повторению ситуации полицейского насилия с сопутствующими эффектами, такими как возрастание претензий к режиму [Drury, Reicher 2000], делегитимация [Peterson, Wahlström 2015] и формирование протестной идентичности [Farrell 2012]. В то же время, по сравнению с коммуникацией вокруг митингов и полицейского насилия, участникам протестной коммуникации будет сложнее активизировать широкое обсуждение как минимум по двум причинам. Во-первых, судебное преследование приводит к возникновению менее ярких визуальных стимулов, в то время так как современные социальные сети достаточно сильно завязаны на визуальный контент [Poell, van Dijck 2018]. Во-вторых, уголовные дела, по сравнению с полицейским насилием менее интересны обывателю с рациональной точки зрения: полицейское насилие потенциально может затронуть множество людей, допускающих присоединение к протестным акциям или просто случайно попавших в место проведения акции протеста, а судебное преследование — только тех, кто допускает конфронтацию с сотрудниками полиции или применение насилия (по крайней мере, в странах, где не карается сам факт участия в протестных мероприятиях).

Эмпирическое исследование проводится на корпусе текстов и их метаданных из социальной сети «ВКонтакте». В выборку попали оригинальные публикации и комментарии, размещенные в период с 27 июля 2019 г. по 16 февраля 2020 г. Начало периода охарактеризовано заведением уголовного дела по статье 212 Уголовного кодекса Российской Федерации, в рамках которого следствие охарактеризовало события серии Московских митингов, проходивших с 20 июля 2019 г. по 3 августа 2019 г. как массовые беспорядки. В рамках следственных мероприятий 15 сторонникам протестного движения были предъявлены обвинения по этой статье. В конечном итоге доказать вину обвиняемых в организации массовых беспорядков следствию не удалось, но 17 его фигурантов и других участников митингов были обвинены в применении насилия в отношении предста-

вителей органов правопорядка (статья 318 УК РФ), одного человека обвинили в разжигании ненависти (статья 282 УК РФ) и еще один фигурант оказался под обвинением в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ). С момента заведения уголовного дела в организации массовых беспорядков оно стало известно как «Дело 212» или «Московское дело»¹, по аналогии с «Болотным делом» 2012–2013 гг. — уголовным преследованием участников «Марша миллионов», и «Ленинградским делом» — одним из эпизодов сталинского террора. Позднее к этому делу были также причислены четверо осужденных по антиэкстремистскому законодательству (статьи 296 УК РФ), дела в отношении которых были заведены по факту их публикаций в социальных сетях, направленных против силовиков и судей, размещенных в ходе обсуждения «Московского дела».

Самые поздние публикации, попавшие в рассматриваемый набор данных, были размещены спустя два дня после апелляции по последнему приговору «Московского дела». В выборку публикаций попали все сообщения с упоминаниями ключевых слов: фамилий фигурантов и самого «Московского дела». Принцип фильтрации не требовал полного совпадения имени и фамилии, написанных подряд, — достаточно было, чтобы в тексте публикации одновременно находилось и упоминание имени, и упоминание фамилии в любой форме. Для понимания масштабов коммуникации также представлены данные об упоминаемости самих митингов, события которых легли в основу уголовных дел (табл. 1). Ранее подробное рассмотрение коммуникации вокруг этих митингов показало, что полицейское насилие является важным фактором активизации цифровых активистов и успешности протестной коммуникации [Ахременко, Филиппов 2019].

Таблица 1

Число упоминаний «Московского дела» и реакций на них по типам авторов и публикаций

Тип публикации и автора	Авторы	Посты	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Ответ	964	1 201	-	3 375	34	1 040
Пользователь	887	1 031	-	2 513	27	1 021
Сообщество	77	170	-	862	7	19
Пост	5 655	9 263	30 509 678	431 099	29 527	53 586
Пользователь	1 755	2 598	1 918 906	44 040	4 330	3 428
Сообщество	3 900	6 665	28 590 772	387 059	25 197	50 158
Общий итог	6 571	10 464	30 509 678	434 474	29 561	54 626

Источник: составлено автором по результатам исследования.

¹ Московское дело // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE (дата обращения: 06.03.2022); Какие уголовные дела были заведены? // Дело 212 URL: <https://delo212.ru/about#ugolovnye-dela> (дата обращения: 06.03.2022).

**The number of “Moscow case” mentions
and reactions by actor and publication types**

Publication and actor type	Authors	Posts	Views	Likes	Reposts	Comments
Reply	964	1 201		3 375	34	1 040
User	887	1 031		2 513	27	1 021
Community	77	170		862	7	19
Post	5 655	9 263	30 509 678	431 099	29 527	53 586
User	1 755	2 598	1 918 906	44 040	4 330	3 428
Community	3 900	6 665	28 590 772	387 059	25 197	50 158
Total	6 571	10 464	30 509 678	434 474	29 561	54 626

Source: made by author, data collected in the research.

Суммарно за период с 27 июля 2019 г. по 16 февраля 2020 г. фамилии подсудимых назывались в 10 464 посте, которые получили 30,5 млн просмотров (не следует путать с 30,5 млн читателей, так как один пользователь может прочитать несколько публикаций по теме). Собранные публикации получили 434 тыс. лайков, 54 тыс. комментариев и 30 тыс. репостов. Таким образом, обсуждение «Московского дела» было действительно публичным и привело к созданию специфического контента, который действительно потреблялся пользователями.

В табл. 2 представлены аналогичные метрики магнитуды коммуникации, наблюдавшейся за три дня обсуждения двух митингов, состоявшихся 20 июля и 27 июля 2019 г. Сообщения отфильтровывались по принципу наличия слова «митинг» в любой форме. Если смотреть на общее число публикаций, то обсуждение негативных юридических санкций за полгода имело примерно такой же размах, какой за три дня с 20 июля по 22 июля 2019 г. получило обсуждение первого крупного митинга серии протестов. При этом число размещенных публикаций ощутимо меньше, чем масштаб коммуникации вокруг протестной акции 27 июля 2019 г. С точки зрения макропоказателей, судебное преследование митингующих приводит к тому, что протестный эпизод вдобавок к ситуативному обсуждению самого митинга получает длинный «хвост» упоминаемости. Объем этого растянутого во времени «хвоста» оказывается сопоставим с обсуждением многочисленной протестной акции без вмешательства сил правопорядка.

Тем не менее при более детальном рассмотрении данных о коммуникации становятся явными другие характерные черты, отличающие коммуникацию вокруг судебного преследования активистов от обсуждения непосредственных событий протестного эпизода. Во-первых, при сравнении табл. 1 и 2 во второй заметно существенное преобладание публикаций-ответов над оригинальными публикациями. Как следует из данных табл. 2, самым часто встречающимся типом поста, где упоминается протестная активность,

является публикация-ответ, сделанная от лица обычного пользователя, а не сообщества. В случае массовой мобилизации написание подобных комментариев является вторым по популярности способом политического участия в социальных сетях после проставления «лайков». Рассмотрение данных о трехдневном обсуждении событий митингов показывает, что комментарии пишут даже чаще, чем делают репосты оригинальных публикаций, хотя написание некоторого текста требует от пользователя больше усилий. Коммуникация вокруг судебных процессов намного больше завязана на оригинальных постах. Снижение комментаторской активности не приводит к перемещению «центра тяжести» обсуждений из сообществ на личные страницы пользователей: вместе с изменением баланса между типами публикаций меняется и баланс между авторами уникальных публикаций. При обсуждении митингов как таковых основным читаемым материалом были публикации развлекательных и новостных сообществ, что является естественным следствием распределения числа подписчиков в социальных сетях, но основная масса постов была написана обычными пользователями. При обсуждении судебного процесса и самым популярным, и самым массовым поставщиком контента стали сообщества.

Таблица 2

**Число упоминаний митингов и реакций на них
по типам авторов и публикаций в 2019 г.**

Тип	Авторы	Посты	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
С 20.07.2019 по 22.07.2019	12 711	19 526	16 460 386	385 573	23 625	59 072
Ответ	6 352	8 922		28 430	49	8 998
Пользователь	6 289	8 827		28 086	49	8 870
Сообщество	63	95		344	0	128
Пост	6 578	10 604	16 460 386	357 143	23 576	50 074
Пользователь	3 746	5 558	1 512 983	61 099	5 606	7 005
Сообщество	2 832	5 046	14 947 403	296 044	17 970	43 069
С 27.07.2019 по 29.07.2019	46 398	83 013	48 311 686	1 144 045	55 646	278 482
Ответ	31 180	53 589		233 717	224	76 539
Пользователь	30 954	53 184		230 976	218	76 137
Сообщество	226	405		2 741	6	402
Пост	16 107	29 424	48 311 686	910 328	55 422	201 943
Пользователь	10 792	16 466	2 686 759	97 370	11 528	18 283
Сообщество	5 315	12 958	45 624 927	812 958	43 894	183 660

Источник: составлено автором по результатам исследования.

**The number of mentions of political rallies and reactions by actor
and publication types, 2019**

Type	Authors	Posts	Views	Likes	Reposts	Comments
From 2019-07-20 until 2019-07-22	12 711	19 526	16 460 386	385 573	23 625	59 072
Reply	6 352	8 922		28 430	49	8 998
User	6 289	8 827		28 086	49	8 870
Community	63	95		344	0	128
Post	6 578	10 604	16 460 386	357 143	23 576	50 074
User	3 746	5 558	1 512 983	61 099	5 606	7 005
Community	2 832	5 046	14 947 403	296 044	17 970	43 069
From 2019-07-27 until 2019-07-29	46 398	83 013	48 311 686	1 144 045	55 646	278 482
Reply	31 180	53 589		233 717	224	76 539
User	30 954	53 184		230 976	218	76 137
Community	226	405		2 741	6	402
Post	16 107	29 424	48 311 686	910 328	55 422	201 943
User	10 792	16 466	2 686 759	97 370	11 528	18 283
Community	5 315	12 958	45 624 927	812 958	43 894	183 660

Source: made by author, data collected in the research.

Среднее число читательских реакций на один пост в 2019 г.

Обсуждение	Авторы	Просмотры на пост	Лайки	Репосты	Комментарии
Публикации пользователей					
Митинг 20.07.2019	1,48	272,22	10,99	1,01	1,26
Митинг 27.07.2019	1,53	163,17	5,91	0,70	1,11
Судебное преследование	1,48	738,61	16,95	1,67	1,32
Публикации сообществ					
Митинг 20.07.2019	1,78	2962,23	58,67	3,56	8,54
Митинг 27.07.2019	2,44	3520,99	62,74	3,39	14,17
Судебное преследование	1,71	4289,69	58,07	3,78	7,53

Источник: составлено автором.

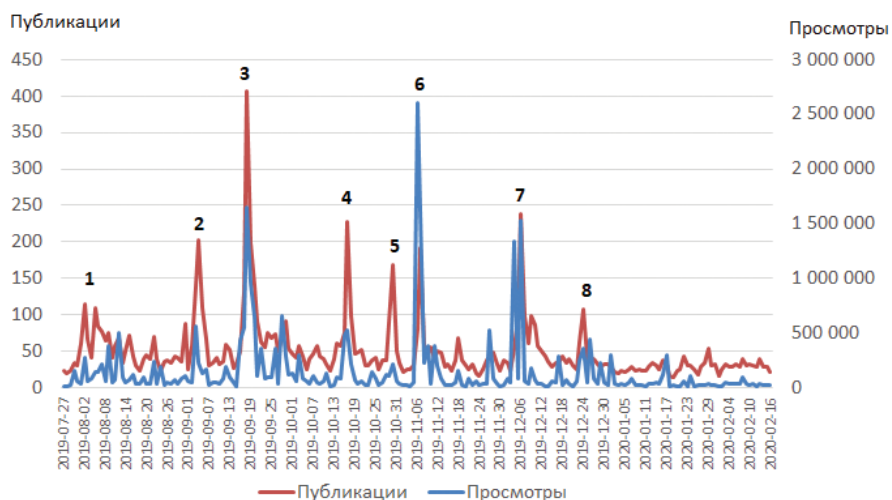
Average number of readers' reactions per post, 2019

Discussion	Authors	Views per post	Likes	Reposts	Comments
Users Publications					
Political Rally 2019-07-20	1,48	272,22	10,99	1,01	1,26
Political Rally 2019-07-27	1,53	163,17	5,91	0,70	1,11
Legal Prosecution	1,48	738,61	16,95	1,67	1,32
Communities Publications					
Political Rally 2019-07-20	1,78	2962,23	58,67	3,56	8,54
Political Rally 2019-07-27	2,44	3520,99	62,74	3,39	14,17
Legal Prosecution	1,71	4289,69	58,07	3,78	7,53

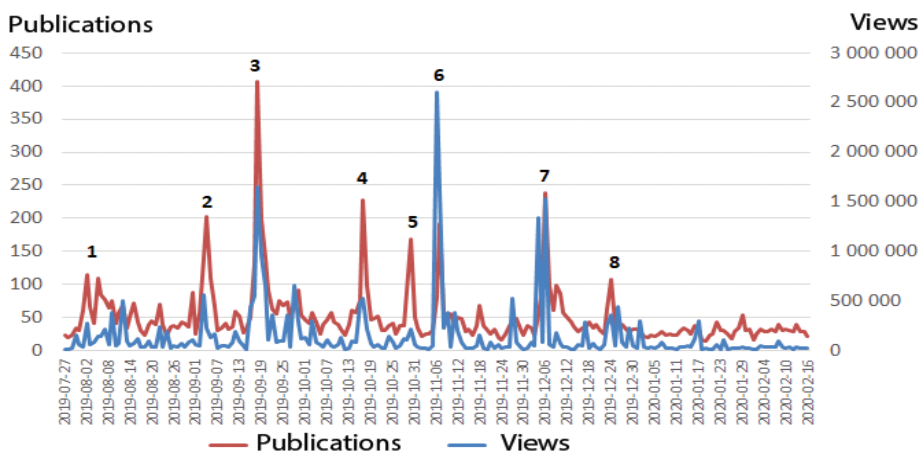
Source: made by author, data collected in the research.

Рассмотрение показателей виральности публикаций требует обратить внимание на два необычных аспекта коммуникации вокруг судебного преследования участников протестного движения. Обсуждение последовавших негативных санкций охарактеризовалось наибольшим средним числом просмотров на пост, но одновременно с этим эти же публикации получили меньшее число пользовательских реакций. Это означает, что публикации в среднем делались в более крупных сообществах, но при этом их содержание меньше располагало к вовлечению читателей: значительную часть публикаций по теме составляли «сухие» информационные сводки. Вторым необычным наблюдением оказывается среднее число постов от каждого автора: за полгода обсуждения юридического преследования на каждого активного автора приходится даже меньше публикаций, чем при трехдневном обсуждении самих митингов.

В среднем за рассматриваемый период фамилии обвиняемых и само «Московское дело» упоминали 50 раз в сутки (рис. 1). Данное среднее значение складывается из доминирующих периодов малой обсуждаемости (в районе 30–50 сообщений в сутки) и ярких всплесков интереса к данным ключевым словам, в которые ежедневное число публикаций кратно превышает 100 постов. Переход из одного режима коммуникации в другой происходит в результате возникновения новостей о развитии возбужденных уголовных и административных дел. На рис. 1 заметны 8 всплесков публикационной активности.

Рис. 1. Подневная динамика публикационной активности
 Источник: составлено автором по результатам исследования.

Fig. 1. Daily dynamics of publishing activity
 Source: compiled by the authors based on research results.

1. 2–5 августа: произошли массовые задержания первой волны фигурантов, было заведено уголовное дело о массовых беспорядках и параллельно прошла очередная акция протестной серии.
2. 3–4 сентября: приговоры нескольким фигурантам и признание 9 фигурантов политзаключенными правозащитным центром «Мемориал» (организация признана иностранным агентом и ликвидирована).
3. 17–18 сентября: судебные заседания по делу Айдара Губайдуллина, публикация нескольких открытых писем в поддержку различных фигурантов.
4. 17 октября: апелляция по делу Евгения Коваленко, свадьба фигуранта «Московского дела» Константина Котова и фигурантки другого резонансного дела Анны Павликовой, новость об отъезде Айдара Губайдуллина из России.

5. 30 октября: судебные заседания по мерам пресечения.
6. 6 ноября: выход совместного трека начинающего репера и фигуранта «Московского дела» Самариддина Раджабова и популярного исполнителя Охххутирон (Оксимилона).
7. 3–6 декабря: приговор Егору Жукову.
8. 24 декабря: приговоры нескольким фигурантам².

Самые масштабные всплески приходятся на 17–18 сентября и 6 ноября. В эти дни происходило вовлечение в протестную повестку внешних акторов — свою поддержку тем или иным образом выразили некоторые деятели шоу-бизнеса и представители различных «корпораций» (актеры, IT-специалисты, священнослужители РПЦ). При этом «внешнее» вовлечение наиболее положительно сказалось на распространении публикаций, то есть на числе просмотров. Всплеск публикационной активности 17 октября не получил аналогичного всплеска числа прочтений, несмотря на то что повестка была насыщенной — случилось сразу несколько примечательных информационных поводов. Все эти инфоповоды оказались загерметизированы внутри протестного сообщества. В то же время приговор Егору Жукову вызвал значительное вовлечение читателей в протестную коммуникацию, так как кампания в защиту этого подсудимого вовлекла значительное число публичных симпатизантов не из числа протестных активистов, а сам Егор Жуков был блогером с по крайней мере некоторым медийным капиталом.

Обращает на себя внимание то, как по-разному сработала активизация протестной коммуникации в двух различных случаях: первая, вызванная написанием открытых писем от лица различных частей российского общества, и вторая, относящаяся к публикации совместной музыкальной композиции Самариддина Раджабова и Оксимилона. В первом случае имела место более активная мобилизация авторов, в ходе которой большее число пользователей или сообществ написало большее число постов. При этом публикации в среднем имели средний пользовательский успех, по сравнению с менее многочисленными публикациями о совместной музыкальной композиции — во втором случае менее заметная публикационная активизация привела к очень заметному росту числа просмотров. Это различие демонстрирует два различных возможных стиля политической медиатизации: более классический, связанный с вовлечением большего числа людей в традиционные способы политического участия, такие как подписание открытых писем, и более «гибридный» — подразумевающий совмещение развлекательного контента с политическим. Конечно, уже само вовлечение лидера общественного мнения уровня Оксимилона позволило протестной коммуникации выйти на популярные площадки для размещения контента, но, кроме того, сам формат размещаемого контента позволил публикациям быть более успешными у публики: Оксимирон участвовал и в кампании по защите Егора Жукова, но такого медийного эффекта это не имело.

---

² Московское дело // Медиазона. URL: <https://zona.media/theme/moscow-trial> (дата обращения: 06.03.2022). Организация признана иностранным агентом или выполняющей функции иностранного агента.

Выводы

В рамках данного исследования была рассмотрена динамика коммуникации вокруг серии уголовных дел, объединяемых в публицистике в зонтичное «Московское дело». Оппозицией это дело фреймировалось как репрессии, а фигуранты дела были признаны заключенными по политическим мотивам по крайней мере некоторыми НКО в России («Мемориал»³) и за рубежом (Human Rights Watch⁴), что позволяет на примере данного случая изучать реакцию новых медиа на применение юридических негативных санкций по отношению к протестующим. Исследование показало, что судебное преследование участников митингов не приводит к одномоментному массовому всплеску протестной коммуникации, общий объем упоминаний оказывается сравним с трехдневным обсуждением акций протеста. Реакция протестной коммуникации в социальных сетях на юридические негативные санкции по отношению к протестующим принципиально отличается от реакции на силовой разгон уличной акции. В отличие от обсуждений полицейского насилия обсуждение судов и следствия не вызывает явного всплеска активности комментаторов и явной мобилизации политического участия в социальной сети в целом. Вся коммуникация оказывается чрезвычайно замкнута на публикационную активность сообществ, которые активизируются лишь эпизодически и не в той мере, чтобы создать заметный информационный фон, позволяющий протестной повестке доминировать за счет долговременного попадания в механизмы рекомендаций социальных сетей и выхода обсуждений информационных поводов за пределы оппозиционных и новостных сообществ. При этом вовлечение политизированных сообществ оказывается ниже ожидаемого: только половина всех сообществ, обсуждавших всю серию протестных акций лета 2019 г., хотя бы раз упомянула фамилии фигурантов «Московского дела» или само дело.

Тем не менее протестная коммуникация может подпитываться как креативностью участников протестного движения, вовлекающих лидеров общественного мнения в создание политизированного контента, так и мобилизацией в классических формах. Такие усилия редко позволяют сделать повестку негативных санкций намного более заметной в информационном потоке, но, по крайней мере, позволяют одним преследуемым выделиться на фоне остальных. С точки зрения действий правящего режима, применение негативных санкций оказывается «бесшумным» настолько, насколько бессобытийно проходит следствие, и насколько удается отделить образ подследственного от прошедших акций протеста.

Библиографический список

Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 12–35.

³ Организация признана иностранным агентом и ликвидирована.

⁴ Российское представительство ликвидировано Министерством юстиции РФ.

- Ахременко А.С., Филиппов И.Б.* Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200–225.
- Ним Е.Г.* «Игрушко митингу»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 55–70.
- Barkan S.* Criminal prosecution and the legal control of protest // *Mobilization: An International Quarterly*. 2006. Vol. 11, no.2. P. 181–194. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.a8671t532kww2722>
- Christensen H.S.* Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? // *First Monday*. 2011. <https://doi.org/1010.5210/fm.v16i2.3336>
- Della Porta D.* Communication in movement: social movements as agents of participatory democracy // *Information, Communication & Society*. 2011. Vol. 14, no.6. P. 800–819. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.560954>
- Drury J., Reicher S.* Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British journal of social psychology*. 2000. Т. 39, no.4. P. 579–604. <https://doi.org/10.1348/014466600164642>
- Earl J.* The future of social movement organizations: The waning dominance of SMOs online // *American Behavioral Scientist*. 2015. Vol. 59, no.1. P. 35–52. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.u1wj8w41n301627u>
- Earl J., Soule S.* Seeing blue: A police-centered explanation of protest policing // *Mobilization: An International Quarterly*. 2006. Vol. 11, no. 2. P. 145–164.
- Farrell H.* The consequences of the internet for politics // *Annual review of political science*. 2012. Vol. 15. P. 35–52. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-030810-110815>
- Gerbaudo P.* The pandemic crowd // *Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 73, no. 2. P. 61–76.
- González-Bailón S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y.* Broadcasters and hidden influentials in online protest diffusion // *American behavioral scientist*. 2013. Vol. 57, no. 7. P. 943–965. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2017808>
- Halupka M.* Clicktivism: A systematic heuristic // *Policy & Internet*. 2014. Vol. 6, no. 2. P. 115–132. <https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI355>
- Ismangil M., Lee M.* Protests in Hong Kong during the COVID-19 pandemic // *Crime, Media, Culture*. 2021. Vol. 17, no. 1. P. 17–20. <https://doi.org/10.1177/1741659020946229>
- Morozov E.* The brave new world of slacktivism // *Foreign policy*. 2009. Vol. 19, no. 05.
- Nassauer A.* Effective crowd policing: Empirical insights on avoiding protest violence // *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2015. Vol. 38, no. 1. P. 3–23. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-06-2014-0065>
- Peterson A., Wahlström M.* Repression: the governance of domestic dissent // *The Oxford handbook of social movements*. 2015. P. 634–652. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2>
- Poell T., van Dijck J.* Social media and new protest movements // *The SAGE Handbook of Social Media*. London: Sage, 2018. P. 546–561.
- Steinhoff P.G.* Going to court to change Japan: Social movements and the law in contemporary Japan. University of Michigan Press, 2016.
- Tanneberg D.* How to Measure Dictatorship, Dissent, and Political Repression // *The Politics of Repression Under Authoritarian Rule*. Springer, Cham, 2020. P. 43–75.
- Van Dijck J., Poell T.* Understanding social media logic // *Media and communication*. 2013. Vol. 1, no. 1. P. 2–14. <https://doi.org/10.12924/mac2013.01010002>
- Wong S.C., Wright S.* Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement // *New Media & Society*. 2019. P. 1–22. <https://doi.org/10.1177/1461444819879509>

References

- Akhremenko, A., & Philippov, I. (2019). Impact of the violent suppression of protest on its discussion in social networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 153(5), 200–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10> (In Russian).
- Arkipova, A., Radchenko, D., Titkov, A., Kozlova, I., Iugai, E., Belianin, S., & Gavrilova, M. (2018). «Rally rebuild»: Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 143(1), 12–35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02> (In Russian).
- Barkan, S. (2006). Criminal prosecution and the legal control of protest. *Mobilization: An International Quarterly*, 11(2), 181–194. <https://doi.org/10.17813/mai.11.2.a8671t532kww2722>
- Christensen, H.S. (2011). Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? // *First Monday*, 16(2). <https://doi.org/10.1010.5210/fm.v16i2.3336>
- Della Porta, D. (2011). Communication in movement. *Information, Communication & Society*, 14(6), 800–819. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.560954>
- Drury, J., & Reicher, S. (2000). Collective action and psychological change: The emergence of new social identities. *British journal of social psychology*, 39(4), 579–604. <https://doi.org/10.1348/014466600164642>
- Earl, J. (2015). The future of social movement organizations: The waning dominance of SMOs online. *American Behavioral Scientist*, 59(1), 35–52. <https://doi.org/10.1177/0002764214540507>
- Earl, J., & Soule, S. (2006). Seeing blue: A police-centered explanation of protest policing. *Mobilization: An International Quarterly*, 11(2), 145–164. <https://doi.org/10.17813/mai.11.2.u1wj8w41n301627u>
- Farrell, H. (2012). The consequences of the internet for politics. *Annual review of political science*, 15, 35–52. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-030810-110815>
- Gerbaudo, P. (2020). The pandemic crowd. *Journal of International Affairs*, 73(2), 61–76.
- González-Bailón, S., Borge-Holthoefer, J., & Moreno, Y. (2013). Broadcasters and hidden influentials in online protest diffusion. *American behavioral scientist*, 57(7), 943–965. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2017808>
- Halupka, M. (2014). Clicktivism: A systematic heuristic. *Policy & Internet*, 6(2), 115–132. <https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI355>
- Ismangil, M., & Lee, M. (2021). Protests in Hong Kong during the COVID-19 pandemic. *Crime, Media, Culture*, 17(1), 17–20. <https://doi.org/10.1177/1741659020946229>
- Morozov, E. (2009). The brave new world of slacktivism. *Foreign policy*, 19(05).
- Nassauer, A. (2015). Effective crowd policing: empirical insights on avoiding protest violence. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*, 38(1), 3–23. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-06-2014-0065>
- Nim, E. (2016). “I can haz toy protezt”: in search of a theory of social movement mediatisation. *The Journal of Social Policy Studies*, 14(1), 55–70. (In Russian).
- Peterson, A., & Wahlström, M. (2015). Repression: the governance of domestic dissent. *The Oxford handbook of social movements*, 634–652. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2>
- Poell, T., & van Dijck, J. (2018). Social Media and new protest movements. In J. Burgess, A. Marwick & T. Poell (Eds.), *The SAGE Handbook of Social Media* (pp. 546–561). London: Sage.
- Steinhoff, P.G. (Ed.). (2016). *Going to court to change Japan: Social movements and the law in contemporary Japan*. University of Michigan Press.

- Tanneberg, D. (2020). How to Measure Dictatorship, Dissent, and Political Repression. In *The Politics of Repression Under Authoritarian Rule* (pp. 43–75). Springer, Cham.
- Van Dijck, J., & Poell, T. (2013). Understanding social media logic. *Media and communication*, 1(1), 2–14. <https://doi.org/10.12924/mac2013.01010002>
- Wong, S.C., & Wright, S. (2020). Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement. *New Media & Society*, 22(10), 1741–1762. <https://doi.org/10.1177/1461444819879509>

Сведения об авторе:

Филиппов Илья Борисович — студент аспирантской школы по политическим наукам; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: ibfilippov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1464-2923)

About the author:

Ilya B. Philippov — postgraduate in the PhD School of Political Science, National Research University “Higher School of Economics” (e-mail: ibfilippov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1464-2923)